

РЕАЛЬНОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА «ТРИ СВИДАНИЯ»

Сложно переоценить то влияние, которое оказало философско-поэтическое творчество Владимира Сергеевича Соловьева (1853 – 1900) на русскую культуру Серебряного века. Определяя сущностную роль софийной соловьевской традиции, исследователь В.В. Полонский в книге «Между традицией и модернизмом» справедливо замечает: «Без “Премудрости” Соловьева совсем иными были бы и русская религиозная философия, и православное богословие XX века < ... > Но в первую очередь была бы иной литература» [5, с. 81]. С этим тезисом невозможно не согласиться, поскольку именно Соловьев пробудил осознанный интерес русской литературы к многомерному, сложному, мистически окрашенному образу Софии, явив своим поэтическим творчеством образцы истинно софийного характера: от переводов и подражаний (из Платона, Гейне, Петрарки, Данте, Мицкевича) до оригинальных произведений, от стихотворений-миниатюр («Вся в лазури сегодня явилась», «Зачем слова? В безбрежности лазурной», «Око вечности») до поэтических циклов («Акростиhi. Сафо», «Хвалы и моления Пресвятой Деве»). Но наиболее полным воплощением образа Софии (Премудрости Божией, Вечной Женственности) стала единственная поэма Соловьева «Три свидания», написанная и изданная им за два года до смерти в 1898 г. Продолжая на уровне стиля, языка и формы традиции классической поэзии XIX века, это произведение вместе с тем стало безусловно новаторским по содержанию и в полной мере выразило религиозно-мистические искания, таинственные предчувствия и самозабвенное служение культу Вечной Женственности, столь характерные для жизни и творчества Соловьева.

Следует подчеркнуть, что София была для Соловьева, по его собственному признанию, не ментальной спекуляцией, не мифоло-

гическим персонажем, но реальной метафизической сущностью. Через всю жизнь поэт-философ пронес память о трех мистических видениях («свиданиях» с Софией), в которых его духовному взору открылся некий Женственный образ Божественного величия и небесной красоты. Позже в своем учении философ смог Ее соотнести только с гностической Софией, а в поэзии, не требующей строгой конкретизации, Она проявилась через особую символическую образность и ряд наименований, но наиболее явно, почти осязаемо София предстала в поэме Соловьева «Три свидания».

Несмотря на сильную лирическую и мистическую составляющую, поэма сюжетна: в ней подробно, следуя в хронологической последовательности, перемежаясь с событиями из реальной жизни поэта-философа, описываются три видения Софии, составивших исключительный медиумический опыт Соловьева. Подчеркивая автобиографическое начало своей поэмы, Соловьев специально выносит в начало произведения конкретные даты и реальные географические названия, определяющие, где и когда произошли «встречи» с Софией: «Москва – Лондон – Египет. 1862 – 75 – 76» [6, с. 80]. Более того, в авторском примечании к поэме эти «свидания» характеризуются Соловьевым как «самое значительное, что до сих пор случилось в жизни» [6, с. 86] с ним. О важности «свиданий» свидетельствует и тот факт, что они реконструируются по этому спустя более тридцати лет, но так ярко, детально, в ряду сопутствующих биографических событий, словно произошли совсем недавно.

Первое видение софийного плана запечатлелось еще детским сознанием поэта:

...Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа неожиданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов [6, с. 80].

Своеобразной прелюдией встречи с Софией стала первая, очень пылкая, но безответная влюбленность девятилетнего Володи: «Пленила его миловидная сверстница Юлинька Свешникова, и невинное ухаживание выражалось в том, что он на Тверском бульваре

из целой толпы детей выбирал только ее одну, чтобы играть и бегать с ней...» [2, с. 12]. Вскоре он решился на признание, однако ответом на его чувства стало молчание, поскольку Юлинька «предпочла другого». Глубоко и страстно переживал Володя эту сердечную драму и даже мечтал о «дуэли» с соперником. В таком сумбурном эмоциональном состоянии он пребывал в храме на празднике Вознесения, где, по собственному признанию, первую часть литургии как раз провел «в потоке страстных мук» по поводу несостоявшейся любви. Но в кульминационный момент службы, когда и хор призывает отложить «житейское попечение», то есть отвлечься от всего суетного, земного, произошло нечто удивительное: замерли звуки, исчезли люди, материальный мир словно растворился, и духовному взору мальчика предстало видение Божественной красоты:

Алтарь открыт... Но где ж священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, – бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман [6, с. 81].

Это было первое, спонтанное и неожиданное, видение прекрасной и мистически таинственной Богини. Интересно, что произошло оно в университетской церкви в центре Москвы, в которой, по странному, почти символическому, стечению обстоятельств, летом 1900 года, спустя 35 лет, будет отпет почивший Соловьев. Но тогда, в далеком 1862 году, в начале жизненного пути это видение стало своеобразным «софийным крещением» души поэта, во многом определившем его мировоззрение, а также характер его философии и поэзии. Вместе с тем, «первое свидание представлено кратко и является лишь эпизодом, который автор использует как поэтический прием введения своего героя и читателя в мистическую ситуацию» [8].

Первая встреча с Вечной Женственностью, окрашенная «золотой лазурью» – символичным для поэзии Соловьева софийным сиянием, настолько впечатлила ребенка, что даже сильные до этого земные любовные переживания во мгновение исчезли. Потрясение сказалось и в том, что своеобразное «возвращение» из трансцендентной реальности в земное бытие было сопряжено с некоторой психической дезориентацией и заторможенной реакцией ребенка на происходящее, что было даже замечено его гувернанткой:

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя – к житейскому слепа...
А немка-бонна грустно повторяла:
«Володинька – ах! слишком он глупа» [6, с. 81]

Замечательна в этом отрывке, как и во всей поэме, та особая самоирония, с которой поэт воссоздает образ своего лирического героя – вначале ребенка, затем молодого человека – впечатлительного, открытого жизненным приключениям, но всегда словно «не от мира сего», странно балансирующего на пороге двух миров – земного и небесного. С одной стороны, это мудрый понимающий взгляд на самого себя с высоты прожитых лет, но, с другой – истоки этой иронии глубже, они восходят к сложной мифопоэтической картине мира Соловьева, определившей позицию автора поэмы по отношению ко всему, что он описывает. Ирония над собой и своим земным существованием – это одна из составляющих приема антитезы, на котором строится вся поэма: земная жизнь со всеми ее трудностями и проблемами становится смешной на фоне прорывающихся софийных проблесков вечного бытия, да и сам лирический герой («невольник суетному миру») совершает порой алогичные и странные поступки в ответ на небесный призыв Софии.

Интересна и определенная схема, по которой происходит каждое из свиданий: вначале лирический герой пребывает в каком-то внутреннем кризисе, который может быть спровоцирован как внешними обстоятельствами, так и душевными переживаниями, затем происходит внезапный «прорыв» сознания – софийное видение, а далее наступает обязательное временное «выпадение» из реально-

сти под сильнейшим впечатлением пережитого. После каждого из трех свиданий материальный мир с его суетой начинает казаться незначительным и даже отчасти нелепым при приближении к истинному запредельному бытию, а земные любовные переживания Соловьева внезапно гаснут пред сияющим ликом Софии, которая так и останется единственной вечной возлюбленной поэта, неизменным предметом рыцарского поклонения и почти культового воспевания. В отношении Соловьева к Софии эрос, безусловно, уступал место высшему проявлению жертвенной любви – агапе. Закономерно, что на протяжении всей жизни Соловьев так и не женился, хотя предпосылки к тому не раз возникали, а две женщины, имевшие большое значение в судьбе поэта – Софья Петровна Хитрово и Софья Михайловна Мартынова, – по странному совпадению носили знаковое имя Софья, и чувства к ним были по большей части платонические.

Второе «свидание», описанное в поэме, произошло спустя 13 лет после первого в совсем иной обстановке – под сводами Британского Музея, куда молодой, блестяще образованный человек, недавно защитивший магистерскую диссертацию по философии, отправился сразу с несколькими целями. С одной стороны, он работал над дальнейшими исследованиями в области философии, с другой – стремился изучить все возможные мистические источники о гностической Софии, с которой он идентифицировал свое детское видение. А.Ф. Лосев в монографии «Владимир Соловьев и его время» отмечает: «Из предыдущего мы уже знаем, что София у Вл. Соловьева – это основной и центральный образ, или идея, всего его философствования. Ее он мыслил как нераздельное тождество идеального и материального, как материально осуществленную идею или как идеально преображенную материю. И, как мы уже тоже знаем, именно такого рода трактаты интересовали Вл. Соловьева в Британском музее» [3, с. 188]. И именно библиотека знаменитого музея стала своеобразным храмом, на этот раз – храмом науки и сакральных знаний, ограждающим душу поэта от суетности мира и способствующим уединению и духовной концентрации:

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждуются бездушные громады, –
Святая тишина, я здесь один [6, с. 81].

«Блаженные полгода» работы в читальном зале дали Соловьеву немало новых знаний о Софии, впоследствии легших в основу его собственного учения о Вечной Женственности. Более того, все это время поэт непрестанно ощущал невидимое присутствие своей Богини:

Всей, всей душой одна владела ты [6, с. 81], –
пока, наконец, Она вновь не предстала духовному взору почти отчаявшегося вновь ее узреть поэта:

...Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – оно одно.

И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепа [6, с. 82].

Надо отметить, что вторая встреча с Софией, как и первая, – очень краткая, ее непосредственному описанию уделено всего три строки в поэме, но она стала неотъемлемым звеном, новой ступенью – этапом, подготавливающим последнее, самое главное и масштабное, третье свидание, которое стало настоящим откровением для поэта. Вторая встреча мимолетна, но имеет визуальное и, что важно, звуковое проявление: краткая фраза «В Египте будь!» становится софийным призывом, претворяющим последнюю встречу. Следуя этому призыву, лирический герой совершает очередную «глупость», с точки зрения здравого смысла: он внезапно покидает Лондон и направляется в Каир, хотя Египет поначалу вовсе не входил в планы его служебной командировки за границу.

«В Египте будь!» – внутри раздался голос.
В Париж! – и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал как идиот [6, с. 172].

Миновав Францию и Италию, Соловьев в начале осени 1975 года оказался в назначенном месте – в Египте, почти без средств к существованию («в моем кармане – хоть кататься шару» [6, с. 83]), однако в особом состоянии духа, с трепетом ожидая обещанного «заветного свиданья».

...И вот однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладного дыханье:
«В пустыне я – иди туда за мной» [6, с. 83].

Через несколько месяцев после свидания в Лондоне при странном и неожиданном стечении обстоятельств свершается последняя и самая знаменательная встреча Соловьева с Софией. По письмам поэта-философа удастся даже установить приблизительную дату этого события: «Очевидно, третье свидание с вечной подругой произошло между 25–27 ноября 1875 г.» [7, с. 104]. И на этот раз явилась София в пустыне Египта, недалеко от Каира.

С юмором и уже ранее отмеченной самоиронией описывает поэт свои злоключения, предшествовавшие этому видению: «в цилиндре высочайшем и в пальто» бродивший один по пустыне и принятый бедуинами за черта, связанный, чуть не убитый ими и чудом выживший (что-то в нелепом виде молодого человека все-таки заставило бедуинов оставить его в живых), он был брошен один в пустыне ночью. Переживший сильнейшее эмоциональное потрясение («чуть не убит»), лежа на остывающей земле под яркими звездами, он прислушивался к близкому вою шакала и кутался от ужасного холода, пока, наконец, не уснул. Пробуждением же стало невероятное по силе и красоте метафизическое прозрение – третье софийное видение, в пустыне, на рассвете, под космическим куполом храма мира:

...Когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Все обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Все видел я, и все одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило,—
Передо мной, во мне — одна лишь ты [6, с. 84].

Это поэтическое высокохудожественное описание небесной Софии — одно из самых впечатляющих в творчестве Соловьева, да и вообще в русской поэзии. Принимая прекрасный женственный облик (Софии присуще личностное начало, отсюда явный антропоморфизм ее облика), Она при этом наполняет собой весь мир и все человечество и одновременно стоит над земным бытием, принадлежит Божественной реальности, потому Ее образ, разрастающийся до космических масштабов, потрясает своим величием и красотой. Хронотоп словно разворачивается в ином измерении — в беспредельности и вечности Вселенной: восприятие пространства описано через гармоничную композицию визуальных эффектов («небесное блистание» предрассветных цветов; беспредельность и красота земных просторов, на которые поэт словно взирает с высоты духовного откровения); меняется ощущение времени, оно уже не мгновенно и переменчиво, но предстает в единстве всего «что есть, что было, что грядет вовеки». Но центр и средоточие всей этой картины космического Всеединства — «образ женской красоты», Божественная София, которая не растворяет в себе мир, не поглощает человека («я» автора), но наполняет все сущее совершенно новым запредельным смыслом. Такой «Соловьев увидел личную Божественную основу мира. В ее единстве множественность вещей не исчезает. Моря, реки, леса сохраняют свои четкие индивидуальные очертания. Все они сами по себе и все они — одно. Все взаимопроницаемо, но различимо...» [4, с. 99]

Мистические видения Софии при всей яркости, практически осязаемости метафизических образов описаны в «Трех свиданиях»

все же в символической форме. Во-первых, конкретно не названа таинственная героиня поэмы – «подруга вечная», во-вторых, использована софийная палитра и атрибутика – цветовая гамма (пурпур, лазурь), образы-символы зари, объектов водной стихии (моря, реки), прекрасных очей. Символично и использование религиозно-библейской аллюзии – сравнение представшего женского образа с «первым сияньем всемирного и творческого дня», то есть с началом творения материального мира. Некоторые исследователи вполне обосновано отмечают в этом образе Софии и эсхатологическую составляющую: «Соприкосновение с вечно-женственным началом мира открывает герою поэмы первоосновы вечности, он разгадывает тайну первого всемирного дня, и в душу его входит смысл и содержание всего, что было, есть и будет до конца времен. В поэме «Три свидания» Соловьев творит свой собственный эсхатологический софийный миф о совершенном мире и человечестве. Н.А. Бердяев в книге “Русская идея”, цитируя поэму Соловьева, отмечает, что “видение Софии есть видение красоты Божественного космоса, преображенного мира”, т.е. связано с финальной драмой человечества, с концом мира» [8].

Шесть четверостиший в поэме посвящено этому, наиболее мощному по глубине переживания, самому масштабному по полноте откровения, третьему и последнему свиданию, столько же строф отведено в поэме, чтобы вернуть лирического героя в реальность. И в этом фрагменте текста на контрасте с предыдущими метафизическими пейзажами и запредельными путешествиями души вступает в силу уже знакомая в поэме интонация – самоирония:

Дух бодр! Но все ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тётка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И вечером пришел домой в Каир.
Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах – виднелось много дыр [6, с. 85].

В данных строках максимально воплотилась антитеза «метафизическое и реальное» на уровне следующих маркеров психофизического состояния лирического героя: бодрый дух – слабеющее тело, чуткая душа – сильный голод, «розовая улыбка» как неумолимый шлейф прекрасного видения – прохудившиеся сапоги. В конце третьей части, что тоже закономерно, в поэме опять появляется герой, который становится своего рода двойником гувернантки-немки, неспособной понять странности своего воспитанника. На этот раз – это знакомый лирического героя, сосед по отелю «Аббат» в Каире, генерал Ростислав Фаддеев, который, даже не зная мистических подробностей путешествия своего молодого собеседника, все же упрекает его в глупости и неприспособленности к жизни, и дает «дружеский» совет:

«А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком, –
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком» [6, с. 85].

Закономерное неприятие и непонимание героя-медиума обывателями, погруженными в быт и суету, на контрасте только усиливают уникальность его мистического опыта, и после слов генерала поэт вновь погружает читателя в блаженное состояние своего лирического героя, перед которым, несмотря на благоразумные увещевания собеседника, ярко и живо остается мистическое впечатление от встречи с небесной Софией, а все земное мельчает и меркнет перед ликом Вечности:

И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман
И, побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан [6, с. 85].

Несмотря на сверхреальность и кажущуюся «невозможность» встреч с Софией, в поэзии Соловьева подобные «свидания» всегда окрашены правдивостью глубоко личных переживаний поэта: видения трансцендентного характера проникают во внутренний, тонко организованный мир художника намного сильнее, чем «житейский

океан». Но в ряду других произведений софийного плана поэма «Три свидания» остается самым значительным и крупным произведением и носит наиболее явно выраженный автобиографический характер.

Отмеченная трехчастная структура поэмы только подчеркивает символику числа три – полноты Богооткровения. И действительно, третьему видению – самому прекрасному и важному – посвящена третья глава, состоящая из 28 строф, что в два раза превышает объем второй главы, и почти в девять раз – первой. Так на формальном уровне отмечается возрастающая значимость и полнота видений: первое – детское, спонтанное, ставшее неожиданным прорывом в сферу сверхреального, второе – ожидаемое, но мимолетное и приоткрывшее только одно лицо Богини, и, наконец, третье – наиболее осмысленное и ожидаемое, самое грандиозное, представившее Софию во всей ее необъятной вселенской красоте («я всю тебя в пустыне увидал» [6, с. 85]).

Поэма «Три свидания» многомерна: в ней пересекаются мистико-символический и художественно-мифопоэтический планы, присутствуют элементы автобиографизма, бытописания, юмора и самоиронии, мистического прозрения и духовидения. Соловьев оставляет определенную свободу читателю – воспринимать все описанное как реально происшедшее или как художественный вымысел. Однако поэма построена как обращение к «подруге вечной», а вступление, заключение и примечания к поэме свидетельствуют о вполне однозначном отношении самого поэта к происшедшему: «три свидания» он воспринимал как духовное прозрение реально существующей Божественной основы мира, явленной ему в образе Софии, как самое важное, что случилось в его жизни. Поэма построена по принципу кольцевой композиции, вступление почти дословно перекликается с заключением, подчеркивая все ту же мысль об абсолютном приоритете духовно-мистического опыта над суетным миром реальности:

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.

Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев! [6, с. 85 – 86].

Таким образом, поэма «Три свидания» Соловьева стала уникальным образцом синтетического единства художественного, автобиографического и метафизического начал в рамках одного произведения. При простоте и ясности языка, сюжетности, жизнеподобии и детализации отдельных описаний, мест (в поэме упоминаются Москва, Берлин, Ганновер, Кельн, Лондон, Лион, Турин, Пьяченца и Анкона, На Фермо, Вари, Бриндизи, Каир, отель «Аббат», Нил) и персонажей (взрослеющий лирический герой, юная возлюбленная, немка-бонна, бедуин, генерал Ростислав Фаддеев), в «Трех свиданиях» раскрываются иные измерения: появляется мистическая образность, в центре которой, конечно, «вечная подруга» (София), – и текст приобретает многомерность смыслов и многоуровневость интерпретаций.

Проходившие в разное время и в разных точках мира (Москва – Лондон – Каир) все три свидания равно чудесны и являются гранями одного мистического опыта познания Софии: «Это откровение было им пережито в форме видения, воспринятого им через духовное зрение, духовный слух, духовное обоняние, органы созерцания космических панорам и метаисторических перспектив – то есть почти через все высшие органы восприятия, внезапно в нем раскрывшиеся» [1, с. 415]. Видения охватывают и объединяют весь мир, разные страны, стирая границы между восточной и западной цивилизациями, между современностью и древним миром. Места свидания тоже избираются символически значимые: православный храм – центр соборной русской духовной культуры, Британский Музей – собрание многовекового культурного опыта человечества, предрассветная пустыня – широкий и необъятный храм природы, средоточие Души Мира. Всем видениям присущ примерно один сценарий развития, максимально воплотившийся в последнем свидании: некая жизненная травма (безответная любовь, долгое тщет-

ное ожидание, угроза жизни) – внезапное незапланированное «выпадение» из реальности – духовное путешествие-подъем в трансцендентное – свидание с Софией – неизбежный «болезненный» спуск в реальность – столкновение с непониманием и насмешками обывателей) – блаженная память о происшедшем чуде.

Поэзия Соловьева, безусловно, явление переходного характера (от реализма к модернизму), стихотворения философа во многом символичны, мистичны, смыслы в них закодированы и не всегда понятны вне сложной мифопоэтической картины мира художника, которая как раз и выстраивается через анализ важнейшего произведения Соловьева – поэмы «Три свидания». Написанная ясным языком, без размытых двусмысленностей, поэма носит явный исповедальный характер и становится ключом к другим произведениям Соловьева. Органично вписанный в сюжет взросления души героя и его путешествий по миру, мистический опыт трех видений Софии, построенных по принципу усиления полноты откровения, составляет глобальный, «метафизический сюжет» поэмы, который и является основным для жизни и творчества Соловьева. Через оригинальный образ лирического героя-медиума сверхреальное проникает в реальное, метафизическое взаимодействует с физическим, а весь мир в поэме предстаёт как синтез духовного и материального начал, явленный в «одном лишь образе женской красоты», которая и есть, по Соловьеву, истинная Душа Мира – София.

Можно сказать, что Соловьев открывает для русской литературы конца XIX века новый тип поэмы (лирико-философская поэма метафизического типа) и новые принципы идейно-художественной организации текста: реальность становится ширмой, за которой разворачивается неведомый миру мистический сюжет, автобиографическое начало – только отправная точка для раскрытия трансцендентных смыслов, а сам поэт – не только художник, но и визионер, прозревающий и описывающий языком образов-символов метафизическую софийную основу мироздания.

Литература

1. Андреев, Д.Л. Роза Мира / Д.Л. Андреев – М.: Ред. журн. «Урания», 1997.
2. Величко, В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения / В.Л. Величко. – СПб.: [Б. изд.] 1902.
3. Лосев, А.Ф. Вл. Соловьев и его время / А.Ф. Лосев. – М.: Прогресс, 1990.
4. Мочульский, В.К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / В.К. Мочульский. – М.: Республика, 1995.
5. Полонский, В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст / В.В. Полонский. – М.: ИМЛИ РАН, 2011.
6. Соловьев, В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / В.С. Соловьев // В.С. Соловьев Собр. соч.: в 12 т. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. – Т. 12.
7. Соловьев, С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / С.М. Соловьев. – М.: Республика, 1997.
8. Энциклопедия литературных произведений // под ред. С.В. Стахорского [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://classlit.ru/publ/literatura_19_veka/drugie_avtory/opisanie_i_analiz_poechmy_soloveva_tri_svidanija/69-1-0-1472 (Дата обращения: 27.04.2020).